

Хотите ли вы задуматься о бессмертии?

Человек всегда думает о смерти. Даже если не думает, он подспудно, подземно ее чувствует. Каждый день. Каждую минуту и каждую секунду. И, думая о смерти, тем самым он помышляет и о бессмертии, как об альтернативе смерти. Протагонист-жизнь думает об антагонисте-смерти, и этот трагический безусловный Голливуд пропитывает нашу жизнь, как вино – хлеб. И всякая книга о жизни-смерти (а этот ансамбль, что греха таить, и есть главнейший и древнейший архетип культуры и основная тема искусства) – это попытка прикоснуться к бессмертию. Пусть даже за него придется платить утратой человеческого, человечности, потерей не только биологических параметров, но и теми трансцендентными моментами, что в христианской религиозной парадигме именуются душой и Духом, в буддизме – иерархией надчеловеческих незримых тел (тело эфирное, астральное, ментальное etc.), а в психологии и психофизиологии – простым и привычным нам словом «чувство».

Арсений Гончуков в книге «Доказательство человека» вступил в храбрый диалог с Временем, чтобы предъявить ему свою версию бессмертия и обозначить свое к нему отношение. Именно здесь и сейчас: пока есть еще человек и пока существуют его чувства.

Эмоция – гораздо более древнее явление природы, нежели мысль. Тейяр де Шарден в книге «Феномен человека» пишет о возникновении, об искре психизма внутри камня, внутри геологических напластований. Тейяр де Шарден, как и наш Иван Ефремов, был палеонтологом,

и такая работа с толщей времен дает человеческой душе право беспрепятственно путешествовать по тем областям знаний и ощущений, в которые мы, в массе своей, не лезем, как в холодную воду, именно потому, что ее, ледяной воды Времени, откровенно боимся. Нам туда неохота.

У Арсения Гончукова был один удивительный предшественник в писательском мире, фантаст-классик, который смело вошел в эти табу-области и стал их философским «космопроходцем»: это Станислав Лем, и даже не с «Солярисом», «Эдемом», «Магеллановым облаком» или «Звездными дневниками Йона Тихого», а с его загадочной книгой «Сумма технологии», вышедшей в свет в далеком 1964 году. Это текст ничуть не художественный, даром что Лем большой и крайне интересный художник (все дружно и с удовольствием тут же вспомнили знаменитый «Солярис», дважды экранизированный – Андреем Тарковским и Стивеном Содербергом). «Сумма технологии» опасно и заманчиво балансирует между футурологией, философией, социологией, культурологией, психологией и авторской исповедью. Лем отважился в этой книге на философию будущего. Он договорился в ней даже до описаний жизни в виртуальной реальности, попытался обрисовать мир, не просто непонятный нам сегодняшним, но нас пугающий, шокирующий. Впрочем, Лем совершил уже этот опыт «забрасывания» человека в будущее в знаменитом романе «Возвращение со звезд».

Мы в будущем не поймем ничего. Оно нас и вправду устроит. Даже если оно не надвинется на нас водами, дымами и огнями Апокалипсиса и не вспыхнет тотальной ядерной войной.

Страшнее такой войны то будущее, которое изображает Арсений Гончуков. Не покупайтесь в книге «Доказательство человека» на то, что в будущем вроде бы все так, как в нашем настоящем, очень похоже – ну а что, все, возможно, и будет так же, как и сейчас, человек любит человека, человек нападает на человека, чтобы его уничтожить, умертвить, человек заботится о своем здоровье, человек отлавливает человека, преступившего закон... Но изменение биологического существа человека повлечет за собой появление киборгов и клонов, а всемерное развитие искусственного интеллекта (его уже сейчас называют ИИ, или совсем уж ласково, как домашнего зверька – Искин...) заставит родиться на свет цифровых людей – родиться, так получается, после смерти, *post mortem*: да, чтобы жить вечно, люди пойдут на этот, кажущийся непредставимым шаг.

Как будут чувствовать себя оцифрованные люди? Что они будут испытывать? Сделают ли им голоса, чтобы они могли общаться с теми, кого оставили в мире живых... еще живых? О да, конечно, сделают. Цифра обратится в человеческую речь, чтобы оставленный мог наивно и отчаянно подключиться к иллюзии продолжения жизни. А может, не к иллюзии, а к последней правде?

– Странность в том, что чувствуешь себя совершенно голым, – он сказал тихо, серьезно.

– Голым? – растерялась она.

– Ну то есть... Голым, в смысле открытым со всех сторон. Но не очень понятно, где ты... Когда ты голый, ты ощущаешь кожей воздух, как-то чувствуешь пространство...

– Как ты красиво говоришь, я так люб... – воскликнула она.

– Да, – оборвал ее и продолжил: – А сейчас я как будто голый, но даже этого я не могу почувствовать. Понимаешь? Как будто заперт в темной комнате.

В безвоздушном и бестактильном помещении, где ничего не могу ощутить, потрогать, увидеть...

– Но ты же слышишь меня!

– Да. Слышу тебя... Слава богу...

Он выговорился и замолчал. Прошла минута.

– Ты здесь? – спросила она.

Оцифровать мозг гражданина имярек. И – задумайтесь и над таким шагом! – оцифровать мозг гения: Эйнштейна, Моцарта, Пушкина, Хаббла, Достоевского, Вернадского, Ларса фон Триера. Равна ли будет цифра – Живому? Будет ли цифра мыслить, страдать, жить? «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать... / Но ведаю, мне будут наслажденья / Средь горестей, забот и треволненья...» – говорит Пушкин, дрожа и улыбаясь, сквозь слезы. Но даже не в этом дело. Уравносятся ли на чаше ценностных весов человечества две этих вновь зафиксированных внутри хитроумной машины цифры – гения и простого смертного?

А тот якобы спасительный чип, что вживляется в мозг маленького ребенка? Младенец больше никогда не вспомнит войну, внутри которой родился. Он будет вспоминать, ощущать лишь красивое, яркое, мирное, милое. Волшебный чип отвернет его от переживания зла и горя, будет вызывать в нем только приятные эмоции. Наслаждение! Вот она, цель! Так же, как товар – цель общества потребления, так гедонизм – возможно, тайная, латентная цель цивилизации. Как отвергнуть наслаждение, если мы к нему стремимся?

По аналогии вспоминаю роман Лема «Возвращение со звезд»: там вернувшиеся на Землю звездолетчики обнаруживают, что из цивилизации напрочь исчезла агрессия, и узнают, что новорожденным сразу делают инъекцию изумительного вещества, на генном уровне убивающего злобу, ненависть, насилие... И на планете нет войны, ура! Гончуровские герои смотрят в ту же сторону. Да, мы все устали от агрессии. Но, может, она вечна, как мир? Как сама жизнь и сама смерть?

Известна китайская присловица, процитированная Стругацкими: «Лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть, лучше спать, чем лежать, лучше умереть, чем спать». Энтропия в чистом виде. Торжество энтропии. Наслаждение – такая обманная приманка, на нее ловится наша мечта о светлом будущем. Пусть сейчас мы утонем в морях крови, но поколение наших детей и внуков будет жить при торжестве наслаждения, радости и благополучия. И здесь цифра, ставящая знак равенства между отдельно взятой жизнью и всеобщим бессмертием, становится упованием, чуть ли не божеством. Я оцифрован – я бессмертен! Разве это не чудо!

А если мне надоест жить? Если я *устану* жить?

Если я захочу – все равно, в цифре или в реале! – умереть, каким бы страшным парадоксом это ни звучало?

– Ну так вот... – Григорий Степанович продолжил разговор, начатый в лифте. – Диплом ты лучше напиши не о проблемах, как ты говоришь... «этики погружения пациентов» в эти, в «экстремальные виртуальные модели»... Это все, конечно, интересно вам, молодым...

– Ну а как? Вы же сами рассказывали, секс, снафф, сафари, казни...

– Да пожалуйста! Реальность заказывают разную, любые прихоти за деньги клиента... Хотя в эпицентре ядерного взрыва. Как только у нас не умирают... И это, конечно, кажется вам крутым... Но! – Он чуть замедлил шаг, посмотрел

на Мишу: – Видел только что «кино» в просмотровых очках? Про бабу, про соседку, огород...

– Видел.

– Ну так вот. Напиши о том, как человек хочет умереть на родном огороде на грядке среди редьки и петрушки да мелиссы вместо лимончика. Вот о чем напиши.

Пока еще, в нашей реальности, в нашей исторической повседневности, машина не может заняться самовоспроизведением. Когда тому же Ивану Антоновичу Ефремову говорили о том, что машины начнут развиваться и размножаться сами, что человек потеряет управление ими и контроль над ними, что грядет ужасающее и неостановимое восстание машин, Ефремов улыбался и отвечал: «Машина – дура, подошел и выдернул штепсель из розетки». Да, в середине двадцатого столетия технологии были таковы. Повернул выключатель, реле, тумблер, нажал кнопку. И запущенный процесс прервался и погиб.

Но прошел почти век, почти столетие – слишком большой кусок Времени, чтобы лениво медлить в позе стороннего наблюдателя и с опозданием оценивать стремительные цивилизационные изменения, и явился сюжет «Терминатора», явились сюжеты сериалов про киборгов, явился фантастический рассказ, где в таинственном механизме оживляют сознание Пушкина, явился киборг Бишоп из франшизы «Чужой», явилось втягивающее, как черная воронка, сериальное «Черное зеркало», и вот явилась книга Арсения Гончукова «Доказательство человека».

Название архиудачное. Человек сам себе доказывает, что он человек. А человек оцифрованный начнет доказывать, что именно он и есть человек, и он тоже живой, и он тоже мыслит, чувствует и страдает! Конечно, опасно размножение машин. Это означает лишь одно: на планете будут существовать две разные цивилизации, две культуры – привычная и чудовищная, и впереди ляжет два пути – как два текста: один о чувствах, слезах и праздниках, другой – о равнодушном скрежете железа.

Но только ли о нем, о железе, идет рассказ? Может, ИИ научится по-настоящему рыдать и смеяться? И ласково прижимать вновь рожденного ИИ-ребенка к ИИ-груди?

Тогда как быть тому человеку, кого накрепко соединили, сплели с машиной? Кого обрекли на неведомое синтетическое бытие? И где теперь находятся начало и конец его жизни? Он же не Кощей Бессмертный: игла в яйце, яйцо в утке, утка в сундуке, сундук на вершине сосны, сосна на диком острове посреди холодного моря... Нет начала такой жизни. И нет конца. Нить беспрерывно тянется, не порвать. Это намек на то, что теперь вечное железо будет дирижировать жизнью, судьбой? Намек на то, что цифра станет земным хозяином?

И сейчас вы мне опять скажете: как же так, Кирилл Анатольевич, как же так, а вы сами-то, сами-то кто? А? А? И я вам отвечу: да, конечно, я тоже гибрид. Ну, так запретите! Запретите перенос людей в роботов! Остановите сращивание живых людей и машин! Пока не поздно! Остановите! И казните меня! Посадите на электрический стул! Или выведите вон во двор! Ну! Почему вы этого не делаете? Почти восемьдесят лет мы движемся к неминуемой катастрофе! Да, это чуть дольше, чем я предполагал... Но это не отменяет ужасного финала для всех нас... Точнее, вас, биологических людей! Вы обезумели, люди! Доверять себя машинам! Отдавать свои личности роботам, добровольно... И развивать эту отрасль! Ладно – мы!.. Я! Наши технологии. Мы первые, мы устарели, как мобильные

телефоны... Но новые машины! Которые делаете вы сейчас! Они же почти самостоятельные! Вы просто ни черта не знаете, Петров... Что они там разрабатывают в своих виртуальных институтах – и что собирают на совершенно реальных заводах. И к чему уже, может быть, пришли. Это же захват! Самый настоящий. Механизм запущен, бомба тикает. И они доделают! Срастят людей с машинами окончательно! Вы не понимаете? Неужели вы не понимаете?!

* * *

Что такое роман? По Михаилу Бахтину, это молодой жанр, дымящийся, в сравнении с тысячелетиями литературы свеженький, ему примерно триста лет. (Хотя тут поспорить можно: и «Золотой осел» Апулея, и «Дафнис и Хлоя» Лонга, понятно, размером с повесть, однако важно считаются античными романами). С начала двадцать первого века вошел в моду роман в рассказах. Захар Прилепин так назвал свою книгу «Грех». Здесь надо пристальнее посмотреть, что же такое романное композиционное пространство, романная цельность. Сейчас она хранится не только в плотности, в «сбитости» сюжета. Эта пресловутая романная цельность стала космичной. Она стала *атмосферой* – точно такой, какая существует вокруг планет. Роман становится книгой (неважно, какова его структура, на какие формообразующие фрагменты он делится, из чего он складывается – он в современном литературном мире может вполне состоять из рассказов, этюдов, новелл), окутанной такой вот общей атмосферой.

Романная атмосфера – это не нарратив. И в то же время тут нет ничего мистического. Что это? Дух книги? Воздух Времени, которым мы дышим, книгу читая, и он для нас или ядовит, или целебен?

Такая атмосфера в «Доказательстве человека» существует. Время, сама сюжетика, событийность, дела и поступки героев, проблемы, драмы – все соединяется в некоем *надтексте*, который, собственно, и образует всю систему подтекстов.

Поэтому упреки автору в том, что он написал не «роман», а «сборник рассказов», думаю, неправомочны. Одна атмосфера в книге. Одним ее воздухом мы дышим. Штрихи единого Времени в ней наблюдаем. Текст не плакатный, не плоский. Возможность многовариантной герменевтики, разнообразных толкований эпизодов и смыслов тут существует. И это уже говорит об объемности изобразительной фактуры.

Однако у книги Гончукова есть загадка. Она волнует и пугает. И, разумеется, притягивает. Это образный магнит. И нет, это совсем не из области «ужастиков» и «зубастиков». Такая игра на эмоциональных струнах ушла вместе с временами Хичкока; сейчас и ужас-то и в литературе, и в кино совсем другой. Я для себя обозначила эту загадку так: человечество идет к бессмертию семимильными шагами, но потребно ли оно ему?

А дорога уже, вне сомнения, сама о себе заботится.

И назад не повернуть.

Я ничего не мог с собой поделаться и улыбался, когда смотрел на тело в черном дорогом смокинге, лежащее в центре зала на пластине, подвешенной в воздухе. Не потому, что мне так знакомо лицо этого человека. Не потому, что кожа на его голове, шее и руках отливала зеленым, синим и ярко-желтым от мощных стимуляторов, предотвращающих старение, которыми он пользовался последние двести десять лет своей жизни. Не знаю почему, но мне было весело и ничуть не страшно.

Он – не я. А значит, мне не о чем сожалеть и плакать. Это прогресс. Илья Данилович, мой проводник и психолог, порадовался бы за меня.

Оцифровка и отделение прошли успешно. Я смотрел на тело старика и отчетливо понимал – это не я.

Это уже не я.

Загадка книги – в теснейшем соединении возможного и неизбежного. Ожидаемого и неожиданного. Сужденного и внезапного. Разделить их нельзя. Но и прочно соединить не получается. Впрочем, таковы традиционные контрасты существования.

Автор весь на эмоциях; они в тексте книги тщательно им скрываются. Автор фиксирует мизансцены, повороты сюжета, символику событий совсем не холодно, не отстраненно; он вкладывает в движения, в жесты героев, в их поступки и мысли собственные переживания, собственные страхи и сомнения, и понятно, от этого текст становится предельно, трагически живым, даже если в нем речь идет о машинах и механизмах. Живость эта мелькнет между строк – и ускользнет. А вербально, словесно текст очень сдержан, даже строг, местами жестко-четок и сценарно детерминирован: автор рельефно, сурово и ясно запечатлевает происходящее, не оставляя простора для собственных рефлексий и сантиментов. Но загадка в том, что такое письмо вызывает у нас эмоции! Сопереживание!

Прощай, жалкая оболочка, скорлупа, набор сосудов, мышц, костей, кишок и малосимпатичных на цвет и запах жидкостей. Быстротечное ненадежное тело, кислородно-углеродная биомасса с закончившимся сроком годности, ставшая окончательно недостойной высокого звания Человека – носителя сознания и бессмертной души.

Так. Что? Пора? Музыка гремела. Я начал повторять текст, заученный с психологом:

Уходи, уходи, уходи навсегда! Ты не человек, ты больше не человек, ты жалкая оболочка, никто, ничто, отходы и мусор...

Ничего личного, просто я совершеннее тебя...

Я выше, я сильнее.

Я – бессмертный!

А ты был только повод, начало, моя колыбель, но тебя больше нет. Нет. Нет. А я остаюсь.

Я не умер. Умер ты. А ты не я...

Я – не умру никогда! Я – не умру никогда! Я – не умру никогда!

Я замолчал, музыка стихла.

Пора, подумал я.

Пора.

Все.

Уже.

Ну... ладно...

Я нажал присланную ритуальным агентством виртуальную кнопку, и мы увидели, как пластина с телом поднялась и медленно заскользила по воздуху к стене, где плавно раскрывались створки...

За ними, я знал, находилась до отказа набитая темнотой, тишиной и пустотой камера – высвобождаемая антиматерия работала гораздо эффективнее огня, от тела не оставалось ничего, разве что слабое электромагнитное поле. Блеснули гладкие подошвы ботинок, и тело исчезло в стене. Створки беззвучно закрылись, в зале наступила тишина.

Еще не так давно считалось, что в русской литературе существуют три трагических «кита», три массивные ультрарусские темы: война, революция и тюрьма. С войной у Гончукова все «в порядке». Поствойна в книге изображена в полный рост – то время, которое тот же Ефремов в «Туманности Андромеды» и в «Часе Быка», к примеру, обозначил как время после «Второго великого сражения». Однако ядерный апокалипсис не пожрал все бесповоротно, и, по сути, автор рисует нам в «Доказательстве человека» традиционный постапокалипсис, который больше похож на «петлю времени» в «Терминаторе» Фрэйкса – Вишера: фантастические красоты и дива дивные будущего погибли в ядерном огне, а люди, несмотря на торжество воскрешенных технологий, вернулись к привычному быту тысячелетней давности, вот только цифра... Цифра никуда не делась. Более того – она стала тотальным диктантом целокупного бытия.

Не делась никуда цифра, но... никуда не делся и человек. Его боль! Его надежда! Его скорбь! Его любовь, наконец! Нет нужды сейчас цитировать Второе послание к коринфянам апостола Павла, но это (возможно, бессмертное): «Любовь долготерпит, милосердствует, не ищет неправды, но сорадуется истине» – все равно упрямо просвечивает сквозь прозрачную водную толщу нахлынувшего на многострадальную Землю будущего. Арсений Гончуков имеет смелость работать с Временем. И делает это выпукло, зримо. Да, он применяет в своих новеллах кинематографические приемы! Отменно выстроен видеоряд! Так что же! Это и хорошо! Жест у Гончукова приобретает весомость. Движение становится символом-знаком. Атмосферу новеллы создает не столько рефлексия раздумий и длинная «олдскульная» живопись ландшафтов-описаний, сколько сжатая в кулак *энергетика* образа.

Арсений Гончуков работает с художественным образом.

А образ этот (что само по себе для писателя – здорово, отлично!) приобретает окрас мифологичности и достигает уровня архетипа.

И слава богу. Федоров думал нестандартно, говорил увлекательно.

– Каждое подобное открытие открывало новую эпоху, прости за тавтологию... И каждому поколению, которое начинало пользоваться плодами этих изобретений, казалось, что новые масштабные открытия невозможны... Глина, появление глиняной посуды и зданий. Еще раньше древесина... Перед этим кости крупных животных, из которых наши предки делали дома... Много позже железо. Первая химия. Нефть, бензин, полимеры, пластик – все это вещи, очень быстро изменившие человечество и его образ жизни. Кардинально! Затем интернет и компьютеры – сломали историю! Изменив все, разом и навсегда... Ну а потом, через несколько сотен лет, – то, что мой институт придумал: оцифровка, цифровая эссенция, перемещение...

– Не скромничайте, профессор! – засмеялся Николаев.

– Да я не-е-ет! Что я! – энергично замахал рукой Федоров. – Перестань! Сейчас не о том речь!

Федоров продолжал говорить простые вещи, про которые, кажется, на Земле забыли. Великое изобретение, прорыв в науке – тот же взрыв. И крайне важно в какой-то момент обуздать, ограничить его разрушительную силу. Что-то взять для повседневной жизни. А что-то запретить.

Запретить... Разрешить... Где этика, когда бег Времени ускорен до нельзя? Где нравственность, когда будущие люди сами запутались в

новых духовных максимах? И как разграничить действующие лица истории, вернее, уже постистории? Где дроиды, где человеки, где настоящая смерть, где дотла сгоревшая флешка?

* * *

Меняется ли человек? Или не меняется? Все такие же мы, как во времена египетских пирамид или трех мушкетеров, или кардинально другие? Знаю философов и культурологов, которые утверждают: мы сейчас *абсолютно* иные, нежели наши предки – матросы на кораблях Колумба, воины Куликова поля, солдаты Бородинского сражения. И что мы, если бы встретились лицом к лицу (о, столь модное теперь нашествие романов и рассказов о «попаданцах»!..) с нашими прародителями, не поняли бы их совсем. И они бы не поняли нас. Аналогичная ситуация с будущим: оказавшись в веке ином, через тысячу, две, три, пять тысяч лет, мы бы не узнали ни планету, ни людей. Вот замечательным тайнозрителем в этом смысле был Мишель де Нотр-Дам – он, наблюдая в визионерском состоянии Землю через пять, шесть тысяч лет, в своих зашифрованных пророческих катренах запечатлевал увиденное так, что не понять информацию было не только современникам, но и нам.

А вот Арсений Гончуков идет другим путем. Он словно говорит нам: посмотрите, ребята, и через тысячу лет мы будем все те же! Все такие же слабости! Все такие же страсти! Все те же ошибки и заблуждения, все те же грехи и пороки! Не изменится человек! А цифра?

А цифра – это слабая, дрожащая, трепещущая надежда хоть на миг дистанцироваться от вечного страха смерти и сказать себе: ничего, дружок, не бойся, все твои земные страдания ерунда, ты же будешь вечно жить, ты станешь бессмертен, тебя умело оцифруют, не будет тела, зато ты, ты сам останешься, ибо ты сам не знаешь, кто ты, что ты есть, может быть, ты и есть легендарный Дух, а вот он – и совсем не Божественный, а внутри всеведущей машины, воспроизводящей твой внутренний мир точно, досконально, бесплотно, виртуально, доказательно, благословенно, вечно...

– Так ... На чем я остановился... А! Зажигалка! Для меня это символ... Вот чиркаешь, и появляется огонек, так? – Он показал огонек шепоткой над бокалом, как будто в нем была текила и он хотел посыпать края солью. – Это я так студентам объяснял... Огонь как у людей появился изначально? Из молнии добывали его наши далекие-далекие предки... Так вот... А теперь мы зажигалку чирк – и вот тебе огонь! Огонь тот же самый, так? Но только не из молнии, а из зажигалки, то есть из чего-то искусственного, сделанного руками человека. Так? Камень и палочка, с помощью которых древние начали добывать огонь, или вот керосин и фитиль... Вот, коллега! Так и сознание человеческое, по аналогии, тот же огонь. Сознание появляется у человека при рождении, а затем мы можем его, ну, если и не создать сами, высечь; такую зажигалку мы еще не изобрели, но можем взять и перенести, прикурить, так сказать... Понимаешь? Высечь пока нет, а сохранить – пожалуйста. Огонь живет у тебя в плите, в свече или камине... Вот так и сознание, та же химия.

Но Гончуков не только факт констатирует, но и вопросы задает. И сам себе, и читателю, и Богу. Кто такой цифровой человек? Не есть ли он вариация? Виртуальный клон? Возможность «родить» цифрового

двойника – опасность бóльшая, нежели клоны из пластмассовой плоти и химической крови. Реальный человек улетает на космическом корабле, цифровой остается с родными. Кому из них верить? О ком из них беспокоиться, переживать? Кого из них – любить?

И самое страшное: кто, в результате, становится *настоящим*, нужным любящим его людям – бессмертный двойник или тот смертный, кто улетел к звездам?

А вот самый-пресамый животрепещущий, болезненный вопрос мы сами себе задаем, прочитав книгу.

Будет ли у жизни конец? Финальна ли она?

Или, с тотальным приходом цифры внутрь цивилизации, жизнь каждого будет благополучно протянута в бесконечность пространства-времени?

И тут таится реальный ужас. Опять Ефремова вспомним. Такие вопросы ставились фантастами уже в середине двадцатого столетия. Ефремова тоже об этом спрашивали: как дать гению бессмертие? Как вычленишь из его живого тела его драгоценную психику и поселить ее навеки внутри крепости-машины? Иван Антонович отвечал так: может быть, мы запрограммированы на то, чтобы создать наши великие (с учетом того, что человек – гений) произведения *внутри* сужденной нам жизни. И, если эту жизнь виртуально длить, репризно проживать, волей-неволей будешь повторяться. И это – обреченность. Моцарт, в двадцать пятый раз сочиняющий «Реквием»? Эйнштейн, в сотый раз открывающий теорию относительности? Гениальность хранится в геноме, в сплетениях ДНК. И это своеобразная духовная тюрьма. Железная решетка. Древние называли это – судьба. Рок. Ананке. От судьбы не уйдешь. Гениальность – это приговор. Это тяжелый крест. И он единственный – в жизни и на всю жизнь.

А если жизни больше нет, а есть нескончаемое бессмертие? И никогда не оборвать нить?

Нить тянется неостановимо. Монотонно. В философии есть такое понятие – дурная бесконечность. Может ли желанное бессмертие, пусть цифровое, нам на формат наплевать, лишь бы не умереть целиком, стать дикой усталостью, вселенской тоской, бесцельным, пугающим Ничем?

* * *

Книга Арсения Гончукова «Доказательство человека» – книга проблемная, не развлекательная, хоть и интересно написаны в ней новеллы, а тяжелая; груз раздумий, наплывающий при чтении, давит, не дает расправить крылья отдохновения. Никакого «светлого будущего» у Гончукова нет. Да ведь и смерти нет. Однако цифровое бессмертие, стоит закрыть глаза, предстает в призрачных видениях и жестко написанных картинах хуже смерти. «Нет в жизни счастья», – набивали на груди, на запястье зэки двадцатого века. «Нет правды на земле, но правды нет и выше...» Пушкинский Сальери твердил о правде, но перефразируем Сальери. «Нет счастья на земле... но счастья нет и выше...» А что может быть выше любимой Земли и счастья человека на ней? Бог? Идея Бога? Теория Большого Взрыва? Возвращение к сингулярности? И то бессмертие, к которому мы так отчаянно продирались сквозь невероятие всех войн, застенков и революций, сквозь весь радиоактивный пепел

и все объятия любви и родильные крики, на деле может оказаться еще одним Божьим наказанием человечества за все его грехи, не только за тот, древний, библейский, первородный, но за все «хорошее», что человек содеял с планетой и с собой, начиная от гекатомб античности, Варфоломеевской ночи, армянского геноцида и заканчивая трупами режима Пол Пота, отрезанными, в чеченских кампаниях, головами русских мальчиков, и да, теми белыми, высохшими черепами, которыми таежные пацаны в шестидесятые годы играли в футбол – на берегах Яны, Индигирки, Колымы... Человек уничтожает человека! И новые Хиросимы впереди. Об этом пишет Арсений. Более того: как режиссер он это *видит*. Он уже срежиссировал будущее, и оно, возможно, мало будет отличаться от им изображенного.

Да, два мира. Две цивилизации. Два пространства: реальное и цифровое.

А Времени? Времени – тоже два?

Или там, у них, у оцифрованных, *свое* Время?..

Я надеюсь, подобного не случится. Мы, живущие в Цифре, верим, что войны не будет.

Похищение моего кода – да, я считаю, это было сделано дерзко, грубо и это достаточный повод, чтобы начать войну. Я согласен, что Цифра отреагировала слишком жестко. Но главное, нельзя поддаваться на провокации. Зачем подбрасывать над головой хрупкую вазу всеобщего равновесия? А вдруг не поймашь?

И все-таки, знаете, думаю, люди не развяжут войну.

Я верю в них.

Да нет, я знаю, что не развяжут.

Знаю.

И это будет лучшим доказательством человека.